

Корабль профессора Виноградова

В конце февраля в Российском государственном университете нефти и газа имени И. М. Губкина будут отмечать особенный юбилей - 90-летие Владимира Николаевича Виноградова, который стоял во главе этого вуза более тридцати лет. Срок для отечественной высшей школы сам по себе примечательный, но особенность предстоящего события не только и не столько в этом. Круглая дата - повод оглянуться на жизнь человека удивительной судьбы, яркой личности, чей масштаб невозможно вписать в рамки обычной биографии.

Не сомневаюсь, если бы Владимир Николаевич Виноградов мог прочитать эти слова, он бы скорее всего насмешливо прищурился и покачал головой. Дело не в том, что счел бы их нескромными, просто он по-другому смотрел на вещи, не так, как большинство из нас. То, что мы называем сегодня подвижничеством или даже подвигом, воспринимал как обычную работу, как ежедневный, буднично-труд. Точно так же, кстати, от-

звлялся о своем фронтовом прошлом, хотя вернулся с войны с боевыми наградами и тяжелейшими ранениями, которые давали о себе знать всю жизнь. «Это была обычная солдатская работа», - отрезал Владимир Николаевич, когда попробовала как-то подробнее расспросить о войне.

Он вообще не любил рассказывать о себе. Зато мог подолгу говорить о своем вузе, о его развитии, о студентах и преподавателях, о более-менее точках высшей школы и обо всем, что так или иначе было связано с нею, ведь профессор Виноградов не мыслил себя вне университетской среды. Он многие годы возглавлял московский Совет ректоров, был организатором и первым президентом Российского союза ректоров, одним из инициаторов создания Ассоциации московских вузов, Академии наук высшей школы. Это было главным делом его жизни, хотя он еще руководил Московским комитетом защиты мира, не раз избирался депутатом разных съездов, делегатом партийных съездов...

Можно еще долго перечислять различные посты и обязанности Владимира Николаевича Виноградова, но ведь дело не в их количестве. Разве кого-то удивит тем, что у человека, занимающего высокий пост, множество знаний? В случае профессора Виноградова удивительным было другое: он со своим серьезным отношением ко всему, за что брался сам и что ему поручали, выполнял любые обязательства с полной отдачей, но умел это делать как-то буднично, без пафоса, не привлекая внимания к собственной персоне. Он всегда был нацелен на результат и любое дело рассматривал как «обычную работу», за которую отвечал лично. Наверное, это было главной чертой его натуры - обостренное чувство ответственности за любое дело и за людей, которые были рядом.

Такие качества проявились в нем еще в юности. Хоть и не любил Владимир Николаевич говорить о собственной жизни, но в редкие минуты все-таки удавалось вывести его на открытый разговор о личном, пережитом, набоеванном. Правда, он почти сразу поворачивал тему от частного к общему, перекладывая на то, что волновало его больше всего, - на жизнь высшей школы. Тем не менее записи, сохранившиеся в старом блокноте, воспоминания хорошо знавших Владимира Николаевича людей, которыми они поделились, позволяют набросать штрихи к портрету. Это всего лишь несколько эпизодов большой и сложной жизни профессора Виноградова, которая оставила в памяти людей глубокий, неизгладимый след.

Первое слово - самому Виноградову. В папке с «Личным делом», которая хранится в Губкинском университете, можно найти пожелтевшие листки бумаги, исписанные стремительным, но очень четким и разборчивым почерком, ведь автобиографии в те годы полагалось писать от руки. «Я, Виноградов Владимир Николаевич, родился в 1923 году в пос. Немчиновка Куньевского района Московской области в семье рабочего-железнодорожника. В 1937 году, окончив неполную среднюю школу в пос. Немчиновка, поступил учиться в шк. №174 Свердловского района г. Москвы, которую закон-

чил в 1940 году... Осенью 1940 года я поступил в Московский нефтяной институт им. акад. И. М. Губкина, откуда в 1941 году был призван в ряды Советской Армии...»

Все так, только действительно на самом деле было гораздо сложнее. Начнем с того, что в 1937-м отца Виноградова арестовали и судили как «американского и японского шпиона» - по ставке, распространенной по тем временам, а Виноградовы еще и жили рядом с дачным поселком дипломатических предствителей. Спустя много лет, уже когда Владимир Николаевич был довольно известным и влиятельным человеком, Героем Соцтруда, он добился, чтобы ему дали прочитать «Дело его отца, и увидел дело, ставший основанием для репрессий, узнал человека, который оклеветал отца...»

Насколько мне известно, Владимир Николаевич так никому и не назвал его имени, хранил в себе и вообще о визите на Лубанку говорил очень скупо, только очень близким людям. Прочитанное потрясло его до глубины души. Изменило ли отношение к ценностям, которые твердо и последовательно разделял всю жизнь? Вот как он ответил на этот вопрос своему многолетнему и верному помощнику Людмиле Сергеевне Александровской: «У каждого корабля есть свой курс. Я сам веду свой корабль».

Но тогда, в 1937-м, у сына «американского и японского шпиона» не было еще корабля. Подроску надо было учиться, и если аттестат московской школы он еще сумел получить, то в вузе, куда собрался поступать, ему припомнили осужденного отца. В геологоразведочном институте документы не приняли. К счастью, в приемной комиссии нашлась добрая душа, парню посоветовали: «Иди в нефтяной институт имени Губкина, там многим помогают...» Виноградов послушался совета, так судьба связала его с институтом, которому посвятил всю дальнейшую жизнь. За исключением разве что времени, которое провел на войне.

В автобиографии Виноградов написал, что «был призван в ряды Советской Армии». На самом деле он ушел на фронт добровольцем, как и многие его товарищи по институту, преподаватели.

«У них была броня», - говорит ректор Губкинского университета, профессор Виктор Мартынов. - Они могли уехать с институтом в эвакуацию, но realism на фронт». Многие не вернулись с войны. В 2012-м на памятные у входа в университет выбили имена всех студентов и преподавателей вуза, отдавших жизни в Великую Отечественную. Из однокурсников Владимира Виноградова погибли

почти все. Война застала будущих инженеров на летней практике, так всей группой и пошла в военкомат. Вместе с другими студентами и преподавателями московских вузов их сначала отправили строить оборонительные сооружения на подступах к городу - противотанковые рвы, огневые точки. В колонне, где оказался Виноградов, собрались в основном студенты-гуманитарии, а для этой работы требовалось хотя бы элементарные инженерные знания, кто-то должен был взять на себя руководство строительной ротой. Когда прозвучал вопрос, кто готов, Виноградов выступил вперед. Так в восемнадцать лет ему довелось принимать решения и отвечать не только за себя, но и за других.

А в октябре вместе со своими товарищами он уже принимал боевое крещение. Тогда формировались коммунистические рабочие дивизии, в одну из них, 4-ю, переименованную впоследствии в 155-ю стрелковую, зачислили Виноградова. Командиром взвода был Эдуард Петрович Либман - кандидат геолого-минералогических наук, до войны работавший заместителем начальника геологического управления. Молодой солдат многому научился у него, у других бойцов дивизии. В моем блокноте сохранился его рассказ:

«Какое условия у солдата в пекоте? Моем, ночевка в палатке. Все снаряжение - а оно тяжелое! - надо нести на себе. Дороги - болота или снег по пояс. Словом, работа есть работа. Недаром о ней - помините? - с особым уважением говорится в «Василии Теркине». Выспросить подробнее было невозможно. «Такая это была работа, - повторял он, - обычная, солдатская. Ничего особенного не выделишь».

Со слов некоторых эпизодов его солдатской жизни все-таки удалось узнать. Случилось это благодаря тому самому командиру Либману, которого Виноградов долго и упорно разыскивал после войны. Боевые друзья встретились впервые спустя двадцать лет, тогда-то Либман и рассказал об «обычной солдатской работе», которую приходилось выполнять изо дня в день. Вот и очередное задание, которое получил Виноградов, было рядовым: надо было заминировать дороги, по которым шло снабжение находившихся поблизости немецких частей. Эта операция едва не стоила Виноградову жизни, за ее успешное выполнение он был отмечен благодарностью командования. Потреланный от времени документ со словами «За храбрость в бою...» Виноградов бережно хранил как бесценную реликвию военных лет.

В апреле 1942-го в боях под Ржевом он получил тяжелое ранение в обе ноги, провел девять трудных месяцев в госпитале, вышел оттуда на востылки, так что о возвращении на фронт не могло быть и речи. «Демобилизовавшись в армию, вновь приступил к учебе в Московском нефтяном институте им. акад. Губкина на механическом факультете», - написано рукой Виноградова в его «Личном деле». Да, из-за инвалидности пришлось распрощаться с геологией, осваивать другую специальность. Но это было не единственной трудностью, потому что война еще продолжалась и надо было брать на свои плечи то, что не успели, не могли сделать его товарищи, оставшиеся на фронте. Он учился и одновременно занимался общественной работой. Он был еще аспирантом, когда институт избрал его секретарем партийной организации, это была довольно серьезная нагрузка. Кандидатскую диссертацию писал, уединившись на ночь в ванной комнате тесной коммуналки, где у него была комната на четверых...

Конечно, таких подробностей нет в «Автобиографии», как ничего не говорится в ней и о письме, полученном Виноградовым из Москвы, когда вернулся с войны в Москву. Отец сообщал: здоровье его сильно пошатнулось, жить, возможно, осталось недолго, и больше всего на свете ему хотелось бы еще раз увидеть сына. Виноградов отпросился в институте и поехал на свой страх и риск к отцу. Это он несколько суток ехал в общем вагоне, как повстречал в поезде человека, долго расспрашивавшего его, а потом сказавшего, на какой станции сойти и какой дом отыскать, сегодня в университете рассказывают, словно легенду. Люди, близко знавшие Виноградова, уверяют: может быть, какие-то детали этой истории и обросли подробностями, но то, что вчерашний солдат, едва оправившийся после ранения, на костылях отправился искать отца, так оно и было. Человек, повстречавшийся Виноградову в поезде, каким-то образом оказался связан с лагерем, где сидел отец, он помог устроить с ним встречу.

В те страшные годы, когда многие дети отказывались от своих репрессированных родителей, поехать к отцу на свидание в лагерь - это был мужественный поступок. Можно представить, как непросто было многим годы писать в анкетах: «Мой отец, Виноградов Н. А. 1886 г. р. в 1937 году был арестован, по причинам мне неизвестным...» Может быть, в этом кроется одна из причин, почему Виноградов не любил рассказывать о своей жизни? Людям, пережившим подобные ситуации, наверняка

это понятно. К счастью, его отцу все-таки довелось вернуться из ссылки, дожидаться реабилитации, после этого он еще несколько лет прожил в Немчиновке, куда Владимир Николаевич любил ездить на выходные...

Конечно, когда выпадали выходные. Такое случалось, уже когда институт, можно сказать, встал на ноги. А до той поры его надо было восстанавливать заново, как и всю страну после войны. И этот путь Виноградов прошел, шаг за шагом поднимаясь по ступенькам: студент, аспирант, старший преподаватель, доцент, декан, ректор. Деканом стал в 33 года, ректором - в 39. Кстати, он был первым ректором, которого в советские годы не назначили, а избрали. Это было в 1952-м, и этот уникальный эпизод так и оставался в жизни высшей школы единственным - вплоть до перестройки, когда о выборности диссертацию писал, уединившись на ночь в ванной комнате тесной коммуналки, где у него была комната на четверых...

Конечно, так подробно нет в «Автобиографии», как ничего не говорится в ней и о письме, полученном Виноградовым из Москвы, когда вернулся с войны в Москву. Отец сообщал: здоровье его сильно пошатнулось, жить, возможно, осталось недолго, и больше всего на свете ему хотелось бы еще раз увидеть сына. Виноградов отпросился в институте и поехал на свой страх и риск к отцу. Это он несколько суток ехал в общем вагоне, как повстречал в поезде человека, долго расспрашивавшего его, а потом сказавшего, на какой станции сойти и какой дом отыскать, сегодня в университете рассказывают, словно легенду. Люди, близко знавшие Виноградова, уверяют: может быть, какие-то детали этой истории и обросли подробностями, но то, что вчерашний солдат, едва оправившийся после ранения, на костылях отправился искать отца, так оно и было. Человек, повстречавшийся Виноградову в поезде, каким-то образом оказался связан с лагерем, где сидел отец, он помог устроить с ним встречу.

Конечно, время вносит свои коррективы, и сегодня университет меняется, обновляется, появляются новые специальности, новые направления исследований. Но вот ведь и в этом умении чувствовать шаги нового - тоже влияние Виноградова. При нем университет фактически отстроился, получил новые учебные и лабораторные корпуса, здания общежитий, Дом культуры, базы отдыха. Как отмечает в своей книге воспоминаний бывший председатель Госплана СССР Н. К. Байбаков, высоко оценивающий личность профессора В. Н. Виноградова как серьезного члена и крупного организатора, тот «одним из первых сделал науку творческой материальной силой. На средства, поступающие институту от внедрения научных разработок, строились учебные корпуса и жилые дома из Ленинском проспекте, а затем и в районе Новых Черемушек». Делать это в условиях экономики планового хозяйства, конечно же, было непросто, но Владимир Николаевич Виноградов мдел настоять на своем.

Он не боялся делать новые шаги. Так, Виноградов первым заговорил о создании академического института в рамках вуза, и он озадал Институт проблем нефти и

газа Российской академии наук. Такой институт должен был работать в одной цепочке с вузом и системой повышения квалификации работников нефтегазовой сферы, осуществлению планов помешали события начала 1990-х. Но в университете все еще надеются, что их все-таки удастся осуществить. При Виноградове в инженерном вузе зацелились первые комплексные защиты дипломных проектов, и эта идея сегодня получает очень интересное развитие. Владимир Николаевич призвал уделять внимание не только научным школам, но и семейным династиям в науке, в определенной степени противоречило принятым установкам: в то время считалось, что династии могут быть лишь рабочими, все остальное называлось семейственностью. Но Виноградов поступал по-своему, и сегодня Губкинский университет по праву гордится династиями, которые дали науке немало выдающихся имен. Портреты многих из них украшают аллею славы университета. Кстати, ее инициатором тоже был Виноградов, как и портретной галереи лучших выпускников...

Он очень болезненно переживал трудности, с которыми сталкивалась высшая школа, ведь ее проблемы начались отнюдь не в 1990-х, как нынче принято считать, а раньше, гораздо раньше! Виноградов не уставал повторять, что ослабление внимания к науке и образованию опасно для будущей страны, он использовал любую трибуну, чтобы говорить об этом. По его инициативе был созван первый всероссийский ректорский съезд, на который пригласили президента Б. Н. Ельцина, чей указ №1 был посвящен образованию. В моем блокноте сохранились записи, по которым можно судить, как серьезно готовился к этой встрече Виноградов, как детально прогнозировал с коллегами тезисы выступления.

«Нет денег - дайте свободу» - был и такой лозунг в те дни. Виноградов одним из первых в высшей школе заговорил о создании системы полнечеловеческой, об организации банка, который мог бы стать опорой системы образования, об ассоциациях выпускников, поддерживающих alma mater. Он, кстати, очень хорошо знал, какая это сила, ведь за годы своего более чем тридцатилетнего ректорства Виноградов выпустил в жизнь свыше 38 тысяч специалистов!

Это целая эпоха в жизни не только одного лишь вуза, но и всей страны. Потому и юбилей Владимира Николаевича Виноградова - событие особенное, ведь корабль, когда-то спущенный им на воду, продолжает плыть.

Влада ЕТИКОВА.